

Василий Гурковский

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ СОЛЕННОЙ БАЛКИ

*Автор сердечно благодарит: —
Каструбину Валентину Антоновну,
Соболеву Нину Степановну и Кравцову
Зою Ивановну, за содействие в подборе
материалов для создания этой книги.*

*Моей жене, Гурковской Нине
Ивановне (Калашиниковой), -
Посвящается эта книга.*

*Делу без людей — плохо. Людям без
дела, — во много раз хуже.*

*Если нет будущего, — не надо
жалеть о прошлом.*

Делай — настоящее.

*Почувствовал: Это —
Необходимость, Неизбежность,
Обреченность.*

*Называйте, как хотите. Но если эту
КНИГУ не напишу — я,*

Её больше никто не напишет.

Никогда. Потому, что — Потом-

Просто будет поздно.

Василий Гурковский

Глава первая

СОЛЕНАЯ БАЛКА

Сколько таких природных «балок» (долин, ложбин) по миру! Сухих, соленых, красных, черных, крутых и пологих, широких и глубоких, разных и многообразных других. И по всем континентам Земли. Не все, конечно, но многие из них, постепенно получили свои знаковые определения от проживавших в той округе людей. И каждая балка-долина, как правило, соответствует своему названию, по сути. Их названия-понятия перетекают в сознании людей из года в год, из века в век, из поколения — в поколение, входят в привычку. Никто уже и не пытается выяснять, почему именно так, а не иначе, назвали это место те, кто жил здесь до нас, да и разве в этом дело?

Так было и в нашем случае, хотя эта долина, наша «балка», вполне соответствовала своему названию с самого начала и по сегодняшней день. Называли это место — «Ащелисай (по — казахски Ащылысай), то есть «соленая балка». Соль действительно была здесь в избытке: и в земле, и в воде, и в воздухе. Солевой налет на земле, особенно в сухие периоды, покрывал землю в этой долине, таким легким белесым инеем. Соленой была вода практически во всех ручьях и колодцах, но она все-таки была и её пили проживающие здесь люди.

Этой же водой поили животных. Да, она была соленой, но пить её было можно, хотя никто в те времена никаких анализов качества воды не проводил. Пробовали — пьется, — значит пить можно.

Скрашивало ситуацию то, что в нашей долине было довольно много и в разных местах, природных родников, с удивительно вкусной, чистой и холодной водой. При желании, можно было пользоваться родниковой водой, затратив определенное время и силы, на её доставку.

Ащелисай расположена между южными отрогами Уральских гор, в сорока километрах, от протекающей в этих местах, как раз поперек этих самых гор, реки Урал. И эта долина, и множество других подобных долин (саев), со всеми их ответвлениями, различными водными источниками, включая талую и дождевую воду, входят в обширный водный бассейн реки Урал, которая собирает воду из нескольких регионов России и Казахстана, и доставляет её в межгосударственное Каспийское море.

Поэтому, во время весеннего половодья, а оно в этих местах скоротечное, бурное и довольно объемное, кое-что из рыбных богатств Каспия и Урала, включая некоторые виды осетровых рыб, за короткий срок, поднимаясь вверх по течению, иногда достигали даже самых дальних точек

водного бассейна, включая ащелисайскую зону. Но все это сопутствующие мелочи, просто так, для характеристики места.

Главное же богатство ащелисайской долины — земля. Черноземы, да, небогатые, но при правильном, грамотном, ведении хозяйства, соответствующей культуре земледелия и довольно обширных площадях обработки, — это место, в свое время, серьезно означило себя, как продуктивное, высокоэффективное и комфортное, в социально-культурном плане. Туда, да и вообще казахстанским степям, да побольше бы дать влаги, — завалили бы всю бывшую большую страну, да и всю Европу, не только хлебом, но и молоком, и мясом. То есть, в этом месте, можно было жить и хорошо жить, людям.

Я не историк и не ставлю перед собой цели составить какую-то хронологию (цепь) происходивших в этом, конкретном регионе, событий или действий. Я сам уже история, и моя задача поведать читателю правду от первого лица, Правду о том, как в этой самой «соленой» балке, постепенно превращающейся ныне в заброшенное беспросветное степное захолустье, вдали от нынешней бурлящей, сверкающей рекламами, городской жизни, совсем недавно, тоже кипела жизнь. И кипела так привлекательно, что приобрести жилье в том же Ащелисае, в прежние

времена, было серьезной проблемой.

Здесь и далее по тексту, я буду называть это место Ащелисаем, так, как называли его все не только жившие здесь люди, но и окружающие его близкие и дальние соседи. Причем и на бытовом, и на официальном уровне. Дело в том, что по Ащелисайской балке, начиная с переселенцев из Украины, появившихся здесь в результате массовых переселений людей в процессе осуществления так называемых российских «столыпинских» реформ, в 1909–1910 годах, были образованы три сельских поселения: с Юга — на Север, — Бурановка, Преображенка и Григорьевка.

Село Бурановка, стояло на довольно престижном месте. Именно там истекали несколько мощных родников с замечательной природной водой. А где вода, тем более такая вода, — туда в степи тянется и жизнь. Богатая земля, богатые пастбища, поля и огороды, вода рядом, — это в начальные годы заселения людей, играло свою положительную роль. В результате, именно в этом селе, люди жили в лучших условиях, чем в двух других селах, ниже по балке. Бурановские хозяева считались, и были на самом деле, более зажиточными и гордились своим особым положением. Но это преимущество оказалось непостоянным. Дело в том, что линия поселений по ащелисайской балке, шла под острым углом к

проходящей параллельно невядалеке, дороге (шляху) Актюбинск-Орск. В то время это был главный и единственный путь сообщения между этими городами, тем более, что других крупных поселений в округе, тогда не было. Да и каким было это «сообщение»! Лошади, волю, реже верблюды и ишаки, с телегами, арбами, различными колясками, — вот и все, что передвигалось по этой дороге. Но — главное, что эта дорога жила и развивалась, параллельно и одновременно с развитием этого края. И из трех селений по балке, ближе всех к этой «дороге жизни», находилось село Григорьевка. Подняться от первой сельской улицы этого села 500–600 метров в сторону заката солнца, — и выходишь на главную дорогу.

Это местоположение и определило дальнейшую судьбу Григорьевки, как главного поселения Ащелисайской балки. Название балки, как и многих других окрестных мест, долин, балок и урочищ, естественным путем были позаимствованы у местных старожилов, казахов-кочевников, которые по понятным причинам, не очень восторженно принимали новых поселенцев, иногда делали какие-то мелкие пакости, но чем- чем, а извечными и привычными названиями отдельных мест, делились охотно. Переселенцы принимали их и использовали в текущей жизни. В этом интересы приезжих и

коренных жителей, совпадали.

Теперь уже неважно, как складывались названия сел, появившихся более сотни лет назад в этой долине. Но, видимо не зря первое село назвали Бурановка. Если обычно села строили где-то под прикрытием гор или холмов, в ложбинах и ущельях, то ащелисайская жилая линия, вытянулась на несколько километров, с юга на север, практически по линии господствующих ветров. Зимой — с северо-востока по своеобразной аэродинамической трубе от Ледовитого океана, через Западно-Сибирскую низменность, огибая Уральские горы, сюда долетали холодные ветры со снегами и морозами, отсюда и частые сильнейшие бураны; а летом — частыми гостями были уже — юго-западные ветры из среднеазиатских пустынь, с засухами и пыльными бурями.

Сегодня трудно даже представить, с какими трудностями пришлось сталкиваться первым поселенцам по ащелисайской балке. И на каждом шагу, будь-то обустройство жилья или вспашка ковыльной целины примитивным плугом, на воловьей или конной тяге, заготовка топлива на зиму, элементарное медицинское обслуживание или обеспечение товарами первой необходимости. Вокруг на десятки километров — никого, а если и были, то такие же новые поселенцы. Мы раньше много говорили о том, как было трудно первым

целинникам, в том же Казахстане, в пятидесятые годы. Я сам участвовал в строительстве двух новых совхозов в соседнем с нами районе. Да, им было трудно. Но если убрать из их обихода — трактора, комбайны, автомобили, дороги, телефоны и радиостанции, машины скорой медицинской и технической помощи, специалистов-руководителей, материально-техническое обеспечение стройматериалами, запасными частями, автолавки с довольно приличным набором промышленных и продовольственных товаров, да еще — семена, удобрения, средства защиты растений, передвижные аптеки и амбулатории, а также всевозможную другую помощь, — то тогда только ситуацию с освоением новых земель нами, целинниками пятидесятых, можно было бы как-то сравнивать с той, в которой находились те, первые, приехавшие своим ходом, на лошадях и волах, семьи из не такой уж холодной южной Украины.

А они, назло всему, выжили, зацепились, в буквальном смысле «врылись» в землю и пережили первую самую трудную зиму. Стоили землянки, наполовину вкапывая их в землю, затем по периметру, выплетали ветками стены и обвальковывали (забивали) их глиняно-травяной смесью. Таким же способом перекрывали потолок. Часто вдоль будущей землянки, укладывали посередине прочное бревно или крепкую ветку,

потом выкладывали на обе стороны поперечные жерди, тоже переплетали их мелкими ветвями и забивали глиняными вальками, смешанными с травой. Позже для этих целей использовалась солома. Сверху на потолок насыпался значительный слой глины для утепления, и производилась сплошная обмазка всей наружной площади потолка-крыши глиняным раствором, чтобы не задерживались — вода при дожде, и снег зимой, при буранах.

Пережив первую зиму, распахав и частично засеяв определенную часть выделенной земли, люди воспрянули духом. А на следующий год, к двенадцати первым семьям, в это место прибыло еще около 250 семей, из той же Украины. Повеселее, стало в ащелисайской балке. Начали обустраиваться все три будущих села. Часть прибывших семей постепенно расселилась в новых соседних, выделенных для переселенцев участках, поэтому родственные и добрососедские связи, между селами ащелисайской долины и поселениями вокруг неё, появились еще с самого начала освоения края.

И вот здесь сыграл свою роль территориальный принцип, принцип более удобного места. Представителям царской власти, в местах освоения новых земель, занимающимся вопросами землеустройства и организации новых

поселений, была поставлена конкретная государственная задача: — определить территории пустующих земель, подлежащих окультуриванию и покрыть их разумной сетью сел и хуторов, с выделением земельных угодий не просто на текущее обустройство вновь прибывших людей, а с перспективой расширения и развития новых поселений, на многие десятки лет вперед. И они её выполняли добросовестно, именно с учетом государственных интересов. Распределение прибывающих переселенцев, шло по принципу — «туда, где надо, а не туда, куда хочешь», поэтому новые поселения не лепились один к одному в более привлекательных местах, а образовывались по всей намеченной к освоению территории, определенными «ячейками», в пределах 15–20 километров, между их центрами. Структурно, это выглядело примерно так: определялась официальная территория новой административной, единицы, подбиралось место для центрального (головного) поселения, желательно (но не обязательно) в центре территории, то есть, там, где людям было бы удобнее жить, затем официальные, ответственные люди, занимающиеся землеустройством, производили необходимые замеры и нанесения на карты, как общей территории земель, включая пригодные к сельхоз обработке участки, леса, озера, неудобья, так и

приусадебные, и полевые участки, по конкретным пользователям. Селу разрешалось использовать всю прикрепленную за ним площадь, включая государственный резерв, для возможных новых поселенцев и подрастающих своих будущих землепользователей (детей, внуков и т. д.).

Здесь уместно напомнить, что в те времена, при царской власти, новым поселенцам, читай — новым сельхозпроизводителям, не надо было никаких дополнительных разрешений от кого-либо, тем более — не надо было никому и ничего платить за это.

Им землемер показал — где их границы, распределил участки, выдал соответствующие документы — и все, за работу уважаемые переселенцы, теперь все от вас зависит — и окопаться, и закрепить, и целину поднять, посеять, убрать, сделать соответствующие запасы и самим думать, как жить дальше. Государство берет на себя вашу защиту и поддержку, при чьих-то посягательствах со стороны, а все внутренние текущие вопросы, каждое поселение решает общинным путем, то есть самостоятельно. Вот и все. Эти условия были одинаковыми для всех новых поселений, появившихся в те годы на казахстанской земле, естественно и для поселившихся по ащелисайской балке, людей, тоже.

Постепенно начали вырисовываться контуры

территориального административного устройства нового района. С учетом того, что село Григорьевка, как уже сказано, было расположено ближе всех к трассе Орск-Актюбинск, а от самой Григорьевки, своеобразным «веером», расходились полевые дороги в такие же новые переселенческие села — как — Анастасьевка, Бородиновка, Джусалы, Рождественка, Айтпайка, Лушниковка, да и в два своих «родных» — соседских — Преображенку и Бурановку, то, — именно Григорьевка, превратилась в своеобразный центр притяжения все окрестных поселений.

Съезжая с междугородной трассы, жители других окрестных сел, вынужденно, вначале попадали в Григорьевку, а затем уже разъезжались по своим дорогам. Авторитет Григорьевки быстро вырастал в глазах, как окружающих соседей, так и своих собственных жителей. Именно в этом селе, появилась и первая в округе церковь, и первая школа. Пусть эти важные во все времена объекты, были внешне примитивны, располагались в таких же землянках-мазанках, в каких жили люди, но уже в первые три — пять лет, люди молились и учились, в своем селе, в специально отведенных для этого местах. Оживленность местонахождения села, вызвало развитие разнообразных торговых точек и различных видов бытовых услуг. В Григорьевку потянулись на поселение люди из той же

Оренбургской губернии и других мест России.

Когда пришло время совершенствования территориально-административного устройства региона, именно Григорьевка была определена центром новой волости. И это не вызвало каких-либо недовольств со стороны жителей других 9-ти сел, вошедших в эту волость. Григорьевка столь почетное признание получила по праву.

Если подвести какой-то определенный промежуточный итог всем этим переселенческим и организационным событиям в нашем краю, в тот, дореволюционный период, то можно с уверенностью сказать, что жизнь во всех вновь образованных селах новой волости, с центром в селе Григорьевка, протекала, в принципе, везде одинаково, по одной схеме и с использованием одних и тех же рычагов воздействия. Понятно — где-то лучше, где-то — похуже, в зависимости от желаний и возможностей проживающих там людей. Но, повторяю, — в общем плане — одинаково.

Одинаково для всех, пришла новая, советская власть. Не сразу, с победой революции в 1917 году, а уже во время войны Гражданской, где-то году в 1920-м. Одинаково для всех сел, уже при советской власти, было участие наших мужчин в Гражданской войне, как правило, на стороне советской власти. Можно сказать, что одинаково продолжалась жизнь сел Ащелисайской волости и после установления

советской власти. Новая экономическая политика (НЭП), образование первых сельских комитетов взаимопомощи, ТОЗов (товариществ по совместной обработке земли), раскулачивание зажиточных крестьян, которых в этой зоне было не так уж и много, а — позже — коллективизация на селе, образование колхозов и совхозов, все это одинаково прокатилось по здешним местам, и было пережито абсолютно всеми нашими селами и нет необходимости какого-то частного выделения кого-то или чего-то, из общего потока событий.

Настоящим поворотным моментом, изменившим очень многое в жизни Ащелисайской волости, стала вторая половина тридцатых годов XX века.

Здесь сделаем небольшое пояснение. Почему вдруг я, появившийся в Ащелисае, в середине уже пятидесятих годов, так уверенно рассуждаю о предыдущей жизни нашего региона? Причем рассказываю и делаю какие-то выводы, не как историк, а чуть ли не как участник тех событий?! Откуда и кто дал мне такое право?!. А здесь — все просто: Просто повезло. Я очень удачно попал, как говорят, — «именно в то место и в то время»...И вот почему:

Появившись в Ащелисае в зиму с 1954 на 1955 год, я начал работать в МТС (Машинно-тракторной станции). Перед этим, после

окончания семи классов, мечтал поступить в Одесское мореходное училище, на отделение — «штурман дальнего плавания». В то время в училище было два отделения — штурманов и электриков. Мой одноклассник поступал на электрика, но провалил экзамены. Я сдал оба экзамена на отлично и проблем с зачислением в этом направлении не было. Еще со школы, я был записан- 1938 года рождения. Подтверждающих возраст, документов у меня не было, а для зачисления в училище, именно в это и на эту специальность, необходимо было иметь возраст в 15 лет. Для того, чтобы проучившись три года, выпускник мог получить заграничный паспорт (паспорт моряка) и иметь право на те «дальние плавания». Паспортов в то время на селе не было, архивные документы по нашему району исчезли во время войны. Но все это было поправимо, отдел кадров училища взял бы любую справку с места моего жительства, подтверждающую, что мне таки — есть те 15 лет. Тем более, что моя мама, работала в то время в райисполкоме и могла сделать любую необходимую справку по моему рождению, при официально объявленном отсутствии каких либо архивных документов, касающихся моего появления на свет. Но именно она (мама) и стала непреодолимой проблемой. Когда я, еще весной, перед окончанием школы, заикнулся о том, что

пойду поступать в мореходку, она категорически высказалась против, одной фразой: «Шоб ты втопывся?! Такого нэ будэ. Николы!». Поэтому, когда я нелегально, на попутных машинах с сельхозпродукцией, ездил в Одессу, сдавал документы, а потом — экзамены, то все обходилось, но когда я заявил маме, что сдал экзамены и прошу её сделать мне какую-нибудь справку для отдела кадров, чтобы меня зачислили в училище, она даже не пожелала об этом говорить со мной, заявив, что у меня один путь — в восьмой класс, хоть он тогда был и платный.

Но тогда уже я заявил, что не пойду в школу, а пойду работать, как многие мои сверстники. Пошел в местную МТС, учеником токаря. Начал учиться элементам токарного дела. Но 1954 год был очень непростым годом для сельской местности. На государственном уровне было принято грандиозное решение о начале освоения целинных и залежных земель. Об этом постоянно говорили по радио, писали в газетах. Тысячи людей, из разных густонаселенных районов страны, снимались с обжитых мест и ехали на Алтай, в Сибирь и другие места «на целину». Отец мой в то время работал на комбайне, в этой же МТС. В самый разгар уборки урожая -54, пришел откуда-то «сверху» приказ отправить большую группу зерновых комбайнов из Молдавии — в Башкирию. Понятно, чтобы помочь

убирать урожай, уже во исполнение принятых правительственных директив. От нашей МТС, с большими проблемами, было отправлено 8 комбайнов, из других мест — тоже, в разном количестве. На станции Тирасполь, собрали целый эшелон техники и отправили в Башкирию. Эшелон, из-за разных организационных проблем, прибыл на место назначения через 32 дня. К тому моменту, уже и в Башкирии уборка закончилась. Когда отца, буквально насильно снимали с уборки, дома, и отправляли с комбайном в командировку, его помощник, молодой парень, просто сбежал, поэтому отец взял в помощники меня, не было времени на поиски других, да и желающих — тоже. Так я стал механизатором и больше месяца, в числе 16 человек наших комбайнеров и их помощников, вместе с комбайнами, на открытых железнодорожных платформах, мы добирались до той Башкирии. Без денег, без еды, без всего вообще. Нам обещали, что дорога займет не более пяти дней, а вышло — больше месяца. Это отдельная тема и я привожу этот факт только для того, чтобы показать мой переход от романтики моря, к романтике степных просторов. Не зря зерновой комбайн, иногда называют «кораблем степи».

Как бы ни было, в тот год, я все-таки научился работать на комбайне. По месту прибытия нам предложили докашивать отдельные неудобные

зерновые участки, по склонам гор, которые местные комбайнеры оставили напоследок, чтобы сохранить свои машины. Пришлось нам «зачищать» остатки полей, но все, что было положено — было сделано, как надо. Комбайны мы все оставили в Башкирии. Наши комбайнеры, конечно, были недовольны, что потеряли главный свой годовой заработок и надеялись на какие-то компенсации по приезду домой. Зря надеялись.

В связи с обострившимся вниманием к сельскому хозяйству вообще и к его механизации, в частности, по всей большой стране, шла усиленная и ускоренная подготовка механизаторских кадров. При Слободзейской МТС, куда я вернулся после Башкирии, тоже открыли ускоренные курсы трактористов и комбайнеров. Я записался в обе группы и, после работы — учился. Опыт практической работы на комбайне, да еще рядом с таким мастером, как мой отец, очень пригодился. К концу года, я закончил оба курса, в плане изучения материальной части, оставалось только пройти производственную практику с началом полевых работ и получить соответствующие документы.

После провальной командировки в Башкирию, у отца были постоянные натянутые отношения с руководством МТС, по любому вопросу, поэтому, как только после Нового года, было принято решение об отправке большой группы молдавских

механизаторов в Актюбинскую область Казахстана, и появились вербовщики из Кишинева, отец сразу согласился на переезд. Обиженный на маму, за мореходку, с ним, по комсомольской путевке, поехал и я.

Специальный пассажирский поезд, морозной буранной ночью, привез в оставшийся из-за бурана без света, обледеневший Актюбинск, сразу 650 механизаторов из разных районов Молдавии. Почти два соседних по вагону купе, 10 человек абсолютно разных людей, познакомившихся за время переезда в поезде, через пару дней попали через Кандагач — в Ащелисайскую МТС. В моей комсомольской путевке, служившей тогда вместо паспорта, был указан год моего рождения -1938. Через много лет, бабушка нашла мое свидетельство о рождении, и по нему, уже в Тирасполе, я получал первый паспорт. Там год рождения был указан -1940... Ну это было уже позже, а в МТС я пришел на два года старше. Понятно — это же не мореходка, здесь никто не требовал никаких подтверждений возраста, здесь главное было иметь право работать на технике, да чтобы с профсоюзом проблем не было.

На основании справок о том, что я прошел курсы трактористов и комбайнеров и о том, что отработал сезон помощником комбайнера (мне зачили это как практику), уже в Ащелисае, я получил две серенькие книжечки, в одной было сказано, что

мне присвоена специальность тракторист, в другой — комбайнер. И уже с ними, я позже был направлен на работу в одну из тракторных бригад, как говорилось в приказе — на должность тракториста.

Чтобы завершить прелюдию моего попадания в ащелисайскую балку, просто добавлю: Сегодня, имея несколько дипломов о высшем образовании, а также — кандидата наук, Профессора и Академика, я наравне с ними, храню удостоверение тракториста-машиниста широкого профиля 1-го класса, которое много лет назад получил, вместо тех двух сереньких удостоверений, которые дали мне путь в люди...

Теперь вернемся к моей несколько ранее сказанной фразе, что попал «именно в то место и в то время». Это действительно Удача, подарок Судьбы, если хотите.

После того, как я получил права на управление тракторами и комбайнами, меня направили в распоряжение механика МТС по сельскохозяйственным машинам. Был тогда такой замечательный, немолодой уже человек, Синица Порфирий Кондратьевич. Невысокого роста, добродушного вида и веселого нрава. Все, что находилось на обширном хозяйственном дворе МТС, — входило в его епархию.

Хочу предупредить уважаемого читателя, что

в этой, первой главе, нашей ностальгической повести, мы будем вести разговор об Ащелисае, Ащелисайской балке и обо всем прочем «Общеащелисайском». В других главах, разговор будет уже идти о конкретных ЛЮДЯХ, сотворивших это Ащелисайское чудо, за все эти прошедшие сто лет, со дня начала заселения и освоения этих мест. Конечно же, не все одинаково, но каждый из них, что-то внес свое в общее развитие нашего села.

Поработав с Синицей П.К. недолгое время, я все же успел узнать, что он один из первых ащелисайских поселенцев, приехал сюда уже подростком. Узнал от работавших рядом ребят, о его уникальных способностях, как механика, и что он воевал с басмачами во время Гражданской войны. Это было мое первое прямое соприкосновение с историей, живой историей, к которой мы еще вернемся в других главах книги. А потом, история начала обступать меня со всех сторон.

В марте 1955 года, я был направлен, как тракторист, в одну из бригад села Джусалы, где базировался тогда колхоз им. Буденного. Бригадир полевой бригады, тоже из первопоселенцев — украинцев, нашел мне квартиру, в одном из домов, недалеко от ремонтной мастерской. Там я жил до начала полевых работ и выезда в поле. Хозяева —

из депортированных в 1941 году немцев. На работе, а мы занимались ремонтом и подготовкой техники к началу посевной кампании, меня окружали ребята-ремонтники, как местные, украинцы, потомки первых поселенцев, так и те же немцы, и так же депортированные с Кавказа в 1944 году, чеченцы. Общаясь с ними всеми в процессе работы и вне её, я получал массу различной бытовой информации, как в общем плане, так и по отдельным направлениям и людям. Ни у кого ничего не выпрашивал, просто впитывал то, что видел и слышал. С того времени и по настоящее время, подобной информации у меня накопилось достаточно много, причем — достоверной, из первых рук, поэтому и пришла пора поделиться ею в этой книге.

Заселение ащелисайской долины шло определенными волнами. После двух волн первых поселенцев, украинцев, основателей практически всех населенных пунктов волости, была волна поступления людей немецкой национальности в начале сороковых годов и позже, тех же чеченцев. Где больше, где меньше, но представители этих народов, были в те годы расселены практически по всем селам района. В том же селе Джусалы, где я начинал работать, как бы отдельно от села, за речкой, была целая чеченская улица.

Считается, что наиболее мощная волна

переселенцев в Казахстан, пришлось на пятидесятые годы прошлого века, когда началось освоение целинных земель. За весь Казахстан, и за отдельные его особые регионы — я согласен, но за нашу, ащелисайскую зону, я бы так не сказал. Были определенные временные приливы-отливы, но, чтобы они уж очень сильно повлияли на количество и особенно, качество, народонаселения зоны — я бы не сказал. Например, в бригаде номер два, колхоза им. Буденного, где я начинал работать, из приезжих в том году, было всего двое — бригадир тракторной бригады, Иван Рубцов и я... Немцев и чеченцев, я не считаю, они шли для меня, как «местные».

Здесь уместно сделать небольшую сноску. Я, в 1955 году, действительно, был в бригаде один, из приезжих механизаторов. Конечно же, мне, подростку, которому на самом деле, только в августе будет пятнадцать, было скучно и не очень комфортно жить одному в полевом вагончике, посреди степи. Особенно, в ночное время, когда все работники бригады, механизаторы и обслуживающий персонал, уезжали домой, в село. Но судьба и здесь проявила свою благосклонность — в бригаде появился ночной сторож, дед Иван и вся жизнь моя, повернулась лицом к лучшему. Дед Иван был немного своеобразным, но в принципе добрым и общительным. Очень любил поговорить,

рассказать о чем-то, в первую очередь о своей жизни. А рассказать ему было что. Он приехал в Джусалу вместе с родителями, в числе самых первых переселенцев-украинцев, уже почти взрослым парнем. Через пять лет началась первая мировая война, его призвали в армию. Кавалерист, германский фронт, прибалтийское направление. Потом ранение, запасной кавалерийский полк уже на Волге. Потом — переход — из царской, — в Красную армию, война в Сибири против Колчака. Три года участвовал и во второй мировой войне. Для меня в то время, — это был прекрасный источник исторических познаний от первого лица, без всяких передергиваний и какой-либо фальсификации. Дед несколько первых дней относился ко мне настороженно, практически не общался. Но, когда я узнал, что его фамилия Синица, и спросил — не знает ли он Синицу Порфирия, из Ащелисая, механика, у которого я некоторое время работал, дед Иван расплылся в улыбке, даже обнял меня и радостно проговорил: «Та цэ ж мий двоюридний брат, сын моего ридного дядька! Як вин там? Я його уже года два нэ бачив!». Я рассказал, что знал про того брата на сегодняшний день. С того дня, и до тех пор, пока меня МТС не перевел на новое место работы, мы с дедом Иваном жили, как дед с родным внуком. Вечерами, я читал ему свежие газеты и журналы, а

их тогда в бригады привозили десятками, комментировал отдельные сообщения, играл ему на гармошке украинские и русские песни, что ему очень нравилось, а потом — мы долго вели беседы за жизнь, пока я не засыпал (утром — на работу!). Деду спать было не положено — сторож все-таки, он и сидел рядом со мной в вагончике, не знаю, может, иногда тоже спал, но, когда я утром просыпался, — он всегда был на посту, обходил бригадное хозяйство и готовил нам на двоих чай. Дед Иван действительно относился ко мне, как к родному. Ему очень импонировало, что разговаривали мы с ним на родном украинском языке. В бригаде, кроме бригадира колхозной полевой бригады-украинца, — все говорили на русском, включая чеченцев и немцев (правда немцы разговаривали на украинско-русском наречии, по той простой причине, что были высланы из Украины, там выросли, и по — украински, им было говорить проще, чем чисто по-русски). Мы еще вернемся в дальнейшем нашем повествовании, и к деду Ивану, и к другим персонажам. В этой же сноске, я просто подчеркнул роль деда Ивана, как моего первого натурального «просветителя» по истории Ащелисайской зоны.

Да, одно время, года четыре подряд (1954–1957 г.г.), люди прибывали в Ащелисайскую МТС, и группами, и по одиночке, из разных мест;

причем поступления бывали разные, — от толковых и надежных, до условно-досрочно освобожденных, под ситуацию. Большинство из них, — через год-два, как правило, — уезжали, домой или в более теплые или выгодные места. Добросовестные работники, независимо, откуда бы они ни прибывали, — оставались, из них, отдельные, живут, в селах нашей зоны, по сей день. Что было, то было, но такого резкого увеличения численности населения в годы начала освоения целины, в Ащелисае — не было. Зато, с ростом благосостояния местных жителей, начался очень заметный его (населения) прирост, за счет собственных ресурсов и возможностей...

Прежде чем перейти к обсуждению понятия «Ащелисай», как определенного местного феномена, просто добавлю следующее:

В том, что я собираюсь передать читателю свои суждения о становлении и развитии всех направлений жизни в этой долине и за целых сто лет, ничего нет особенного. Убежден, что многие коренные ащелисайцы, прожившие там все свою жизнь, знают о себе, и о своем селе, гораздо больше, чем я, проживший там всего 22 года из рассматриваемого векового периода, и могли бы тоже о многом и многих, рассказать и написать, при желании. Но, по сравнению с ними, у меня за спиной целый ряд преимуществ, которые и обязали

меня перед всем миром, взяться за эту книгу. И я не зря написал в эпитафии, что кроме меня, ее никто больше не напишет.

Дело в том, что я появился в этом селе в тот период, когда еще находились в строю, как говорится, в добром здравии и живой памятью люди, которые или были первыми поселенцами по этой балке, или были первым поколением потомков, тех первых переселенцев. То есть, в плане получения достоверной информации из первых рук — у меня, как равнодушного и интересующегося человека, никаких проблем не было. Я бы мог очень долго перечислять тех ащелисайцев старшего поколения, с которыми не раз общался по разным поводам, но всегда получал от них что-то новое, интересное. Причем, не специально «вытягивал» из них информацию, а незаметно, в процессе общения. Я никогда ничего не записывал, но все накопленное, постепенно накапливалось во мне и ждало своего часа.

Какие мне были нужны учебники и исторические пособия, когда история села ходила со мною рядом и каждый день! К примеру, в 1930 году, в Ащелисае, был образован первый колхоз. Первым его председателем, был Голубь Фома Федосеевич, известная в Ащелисае была личность. Так вот с этим самым бывшим председателем, и с его сыновьями, Михаилом и Федором, я общался

десятки раз, по разным причинам. Бывал неоднократно у них дома. Как думает читатель, из какой истории я мог бы взять больше материала о первом колхозе, как не от его бывшего председателя!?. Рядом с нами жила семья Бугайченко, мать — Пелагея и дочь Александра. Общался я и с ними обеими, а их муж и отец, еще при царской власти, был местным волостным старшиной. Общался с участниками Гражданской войны, многие из которых воевали и во второй мировой войне. Тот же упомянутый ранее Синица Порфирий, Анисим Шовкун, Яков Лысенко. Да чего там далеко было ходить — мой тесть, Калашников Иван Емельянович, с которым мы немало лет прожили в одном доме. Да это был целый набор истории в одном месте. Его двоюродный брат, тоже Иван Калашников, был первым священником Ащелисайской церкви в 1914 году, а сам тесть, в двадцатые годы, воевал с басмачами в Средней Азии, а, в сорок первом году, в составе 312 (актюбинской) стрелковой дивизии, защищал Москву с юго-западного направления. Та дивизия была практически полностью перемолота фашистскими танками, но стояла насмерть. Тяжело раненный Иван, пронизанный по диагонали пулеметной пулей — чудом выжил. Уже после войны, много лет возглавлял в МТС тракторную бригаду. Он многое мог рассказать и рассказывал

мне об ащелисайской жизни, до и после войны. И он всегда подчеркивал значительную роль в развитии Ащелисай, организацию здесь машинотракторной станции (МТС) в 1936 году. МТС, с момента её организации, сразу стал определенным зональным, организационным в первую очередь, стержнем всей бывшей волости.

В зону её обслуживания входили: колхозы «Передовик» (Ащелисай, Преображенка, Бурановка, Лушниковка), им. Чапаева (Велиховка, Айтпайка, Рождественка), им. Буденного (Джусалы, Кимперсай), Красное поле (Анастасьевка), «Новый путь» (Бородиновка, Кайрактысай, Кайракта), им. Розы Люксембург (Романкуль) и колхоз «Кызыл-сай», расположенный за угодьями села Алимбетовка, рядом с рекой Урал.

Машинотракторные станции, и наша, в том числе, были государственными предприятиями. Главной задачей для них — было технической обслуживание (механизация, электрификация, обеспечение и ремонт), закрепленных за ней колхозов. По прошествии времени, и с высоты определенного опыта, должен заявить, что система обслуживания колхозов через МТС, была очень удачной и всесторонне продуманной. В неё входило не только механизация и материально-техническое обеспечение колхозов, но и курирование и практическая помощь со стороны работавших в

аппаратах МТС специалистов, — агрономических, зооветеринарных, строительных, снабженческих и других направлений. Все механизаторы, трактористы, комбайнеры, ремонтные рабочие, хотя и жили в своих селах, были штатными работниками МТС. В колхозах тогда не было профсоюза, а все работники МТС, шли по категориям — рабочие или специалисты, и, как правило, — все были члены профсоюза, объединенные профсоюзным комитетом МТС, во главе с освобожденным председателем.

Вопросами партийной работы, пропаганды, агитации и определенного контроля всех направлений жизни МТС, занималась партийная организация, во главе с секретарем парткома, который по рангу считался секретарем райкома партии по зоне МТС. Это было в ту пору серьезным звеном управления и контроля. Мы еще вернемся к этому вопросу в процессе рассмотрения текущей жизни зоны влияния Ащелисайской МТС.

У отдела кадров МТС, как и у любого управленческого звена, был свой определенный резерв механизаторов, трактористов и комбайнеров. Как правило, этот резерв формировался из людей приезжих, молодых, не обремененных семьей и другими похожими заботами, живущих в Ащелисае, но которых можно было направить на работу в любое хозяйство обслуживаемой зоны,

закрывая там какие-то текущие кадровые проблемы в сезон полевых работ. Так сложилось, что все годы работы механизатором в МТС, я постоянно находился в этом резерве, скорее всего потому, что всегда был бес проблемным и всегда понимал, что — раз так надо — значит так надо. Зимой мы жили в общежитии, а весь полевой сезон — с апреля по октябрь, — я находился на полевом стане тракторной бригады, и без всяких выходных, и каждый день.

На гусеничных тракторах работали по сменам, каждая смена -12 часов. Один тракторист пашет (боронит или сеет) в ночь, другой — в день, через неделю — график меняется, тот кто работал днем, переходит в ночь. И так по всему сезону. Утром и вечером, трактористы (экипажи) менялись, производили дозаправку, текущее обслуживание техники. Все приезжие — жили на полевых станах, местные — ездили домой. Конечно, жить в полевом вагончике все лето, с «удобствами» в ближайшей балке, было не очень приятно, но и ездить в пустое общежитие, искать себе каких-то ненужных проблем и терять по два — три часа на сборы и дорогу, вместо отдыха в бригаде, после смены, в ночь, тем более — в день, — было бы неразумным.

Ну, а раз все равно, на летний сезон придется куда-то ехать, то какая разница — куда. Мне даже нравилось каждый раз ехать куда-то в новую

бригаду очередного колхоза. За годы работы в МТС на тракторе и комбайне, я работал практически во всех колхозах зоны. Начинал в бригаде Ивана Рубцова в колхозе им. Буденного, в том же году, косил на комбайне в бригаде Романа Гутера, колхоза «Красное поле» и даже успел постричь овец в самом северном колхозе зоны — Кызыл-сай, что рядом с городом Орск. В следующем году, работал на тракторе и комбайне в селе Айтпайка, в бригаде Даниила Георге, колхоза им. Чапаева. Еще через год — в бригаде Константина Пономаренко, опять в колхозе — Красном поле. В колхозе «Новый путь», в бригаде Алексея Сиротина, возил зерно от комбайнов. Когда началась организация с нуля нового совхоза «Степной» в нашем районе, помогал пахать для них целину и возил стройматериалы для строительства поселка и животноводческих ферм. Также помогал поднимать целину и в колхозе им. Розы Люксембург, самом дальнем (восточном) хозяйстве зоны нашей МТС. То есть, за время моей механизаторской деятельности (так сложилось), я действительно, работал во всех хозяйствах обслуживаемых Ащелисайской МТС, кроме колхоза «Передовик», который располагался на месте, в Ащелисае. Не надо думать, что я был плохим работником и меня потому гоняли по всем бригадам. В 1957 году, я был даже признан лучшим молодым механизатором

Актюбинской области, был награжден Почетным знаком ЦК ВЛКСМ, грамотой областного комитета комсомола, первой медалью и стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Имел статус тракториста первой категории. Не во всех тракторных бригадах, имелись механизаторы этой категории.

Нет, я работал всегда добросовестно, куда бы меня ни посылали. Просто мне всегда были интересны новые места и новые люди. Я согласен был двигаться куда угодно, лишь бы увидеть и узнать что-то новое. Никакие бытовые проблемы и не комфортности, меня не смущали, интерес к новому во мне перебарывал все. Руководство МТС в лице отдела кадров, это сразу почувствовало и у нас с ним, до конца существования МТС, были негласные, симбиозные, как сейчас говорят, отношения. Руководство знало, что я не то что буду возражать против направления куда-нибудь в дальнюю бригаду, а сделаю это с удовольствием. И им — хорошо, и мне тоже неплохо (симбиоз).

Чтобы читатель не удивился такому пространному рассказу о том, где и с кем я работал, будучи молодым механизатором, — просто объясню:

Уже, будучи человеком пишущим, при встречах с читателями, часто слышу, особенно от людей пожилого возраста, вопрос: «Слушай, а как

ты все это помнишь, те далекие времена и до мелочей?!». На что я всегда отшучивался, что мол, если ты по жизни ничего не делал, то и вспомнить будет нечего.

А нашему читателю скажу больше: — есть такое в нашей жизни негласное понятие, называется — ВНИМАНИЕ. Внимание — это как зарядное устройство для Памяти. Если ты живешь и внимательно смотришь на окружающую тебя Природу, Жизнь и Людей, и сам принимаешь участие в этой самой жизни, то обязательно впитываешь в себя (откладываешь в Память) что-то, неважно хорошее или плохое. Ведь мы живем не Космосом, мы живем, в первую очередь, обычными текущими мелочами, многие из которых неплохо было бы и запомнить. Люди, по — разному к этому относятся, часто не вникают в «мелочи» жизни и, конечно же, мало что запоминают, считая, что это им не нужно. Может быть, они и правы.

У меня, видимо, более внимательный, более чувствительный, что ли, характер, по отношению ко всему происходящему вокруг, поэтому и накопилось в памяти немало, так немало, что решил поделиться с другими людьми.

Работая в разных колхозах зоны, общаясь со многими и разными людьми, я постоянно что-то от них принимал и запоминал. Знал практически всех механизаторов, номера тракторов и комбайнов,

работающих в МТС, знал руководителей бригад и колхозов, знал условия жизни людей во всех селах нашей зоны, знал характеры и возможности тех, с кем рядом работал.

А главное, и это касается сути настоящей книги, — как характеристики зоны «соленой балки», работая вне центральной усадьбы МТС, в окружающих Ащелисай колхозах, я получал постоянную информацию о том, как относились люди других сел, к жителям самого Ащелисая, к руководителям МТС, мастерам — ремонтникам, работающим в центральных мастерских и вообще к существующей системе обслуживания сельскохозяйственного производства в то время. Повторяю — никогда ни о чем я не спрашивал у тех людей, информацию они выдавали сами в процессе общения, больше между собой, чем со мною лично.

Постепенно у меня сформировалось убежденное осознанное мнение, что и в селах ащелисайской балки, и в окружающих Ащелисай селах, основанных теми же их земляками и родственниками-украинцами, первые полвека, и люди жили, и села развивались примерно одинаково. Все также зарывались в землю с жильем, все также «царапали» на волах целину в начальные годы, также обустроивались, в социальном плане, также были охвачены коллективизацией, а потом войной. Во всех селах в

военные годы, на оставшихся тракторах, работали голодные пацаны и девочки-подростки, а за килограмм, унесенных с поля колосков, — давали год тюрьмы. Из всех ушедших на фронт мужчин, вернулись домой в села, где половина, а где и третья часть. Можно сказать, что трудности, накрывали холодом все села переселенцев, первые полсотни лет, — практически одинаково. Единственное, что за этот период, можно отнести к положительному явлению, — это образование в этой волости МТС. Это были не только новые рабочие места, это было начало новой жизни. Люди почувствовали совсем другое к себе отношение, это было действительно реальной помощью новым коллективным хозяйствам. Государственная техника и гарантированное (авансовое) обслуживание всех механизированных процессов — это был действительно прогресс для сельского хозяйства. У колхозов появилось не столько больше прав, появилось больше возможностей.

МТС сыграли свою более чем положительную роль в развитии сельского хозяйства нашей зоны. Да и не только нашей, а всего агропромышленного комплекса бывшей страны. Образование таких станций, было одним из главных элементов государственного регулирования всей системы агропромышленного комплекса, чего, кстати, на сегодня нет на всем постсоветском пространстве.

Потому мы и завозим продовольствие из-за рубежа, при колоссальных собственных возможностях.

В отличие от любых видов нынешних органов власти, организации и управления в плане АПК, та система (МТС), несла полную государственную ответственность за положение дел в колхозах её зоны. И не только в плане обеспечения механизации и электрификации всех положенных по технологиям процессов, но и за организацию труда, соблюдение норм и правил землепользования, обеспечение сроков и качества выполняемых механизированных работ, внедрение новых передовых форм и методов производства, применения удобрений, средств защиты растений и животных, состояние зооветеринарной и селекционной работы, внедрение более прогрессивных форм оплаты труда работников, и совершенствование системы материального поощрения.

Особое место в МТС, уделялось вопросам воспитательной и разъяснительной работы. Пропагандисты, лекторы, десятки газет и журналов, радиофикация полевых станций и обеспечение бригад возможностью радиосвязи с центром — все это работало на общий результат, способствовало мобилизации людей на выполнение поставленных текущих и перспективных задач. Здесь необходимо отметить, что всеми этими благами пользовались не

только механизаторы, работающие в МТС, а и все работники колхозов, работающие рядом с ними, ибо у всех была одна цель — производство сельхозпродукции. В нашей степной (зерновой) зоне — основная масса людей, работающих в колхозах, — состояли в штате МТС. Животноводством, овощеводством, другими видами производств, то есть там, где основные виды работ в то время выполнялись вручную, — занимались специалисты и работники непосредственно колхозов.

И вот здесь мы начинаем подходить ближе к нашей «соленой балке», возвращаемся к тому, с чего мы начинали. Как было уже сказано, по этой балке, первыми переселенцами было заложено три села — Бурановка, Преображенка, и Григорьевка. Расположенная вроде бы, в более удобном и благоприятном месте Бурановка, с трудом пережила свои пятьдесят лет жизни и — самоликвидировалась. Сегодня там только холмики остались от когда-то неплохих по тем временам, домов. Центр жизни этих трех сел, постепенно переместился в Григорьевку. Там — и трасса в города — рядом, там и дороги расходятся на все четыре стороны, и по ним все время кто-то движется, там образовалось солидное коллективное хозяйство, появилась в 1936 году государственная МТС, а это немалое количество рабочих мест, где

можно гарантированно иметь государственную заработную плату. Как следствие — в Григорьевке появилась почта, магазины, амбулатория, где можно было получить первичную медицинскую помощь. Работала школа, сельский совет выполнял свои различные функции.

Все это и определило место Григорьевки в соленой балке. Притягательность этого села, оказавшегося в центре окружающих его таких же поселений, была усилена и на официальном уровне, начиная с организации в нем раньше центра волости, затем размещения в нем центральной базы МТС, а с открытием железнодорожного сообщения в 1942 году, по маршруту Кандагач-Орск и обустройстве недалеко от села железнодорожного разъезда № 304, а позже станции Ащелисайская, — еще более усилило значение Григорьевки в этой части района.

Здесь опять просится важная сноска. И я, и думаю многие другие люди, жившие или работавшие в Григорьевке, жители соседних сел, да даже проезжающие мимо жители городов, никогда не задумывались о том, что мы вообще называли «Ащелисаем», ровно СТО лет подряд! Все эти сто лет, село официально имело название «Григорьевка», хотя никто это название не употреблял на любом уровне! Ащелисайская волость, Ащелисайский сельский совет,

Ащелисайская школа, Ащелисайская МТС, Ащелисайские почта и отделение сберкассы, Ащелисайская автобаза, Ащелисайский элеватор, Ащелисайское сельпо (позже — рабкооп), станция Ащелисайская, остановка на трассе Актюбинск-Орск и плиткой выложено название — Ащелисай!. Напиши на почтовом конверте адрес: поселок Ащелисай — письмо дойдет, позвони по телефону, закажи Ащелисай — соединят. Спросят — откуда — ответишь из Ащелисая, — поймут. Любые упоминания в официальных документах, тем более областного уровня, любые решения — везде Ащелисай!!!. И при чем здесь ВООБЩЕ этот самый «САЙ, (БАЛКА)», применительно к нашему селу? Ведь не одна же Григорьевка здесь расположена, по этой балке!?

А, по моему мнению, появление такого (Ащелисайского) Феномена, надо искать во все окружающем признании авторитета этого места. Не как села, а именно, как места. И приоритетность эта была закреплена (опять же, по моему мнению!) на трех основных опорах: 1. Удачное место расположения. 2. Официальная поддержка. 3. Замечательные люди, целые семейные династии. Именно сочетание этих главных моментов и вывело наше село, как центр места общего признания. В сознании людей, Ащелисай воспринимался не как село, а как определенный

комплекс, как «место, где все-таки лучше, чем у нас». Я думаю — это так.

И еще. Для меня лично, как выяснилось после более чем 60-ти летнего знакомства с этим местом, понятие Ащелисай, ассоциируется с территорией от речки Чаушки и бывшей уже Лушниковки, — до железной дороги. Вот так.

Я не знал, что когда-то стану ученым, писателем, но еще в молодые годы, по дороге из Актюбинска, когда начинал спускаться с так называемой «чапаевской» горы, вид открывающейся долины, мне казался такой огромной раскрытой книгой, с загнутыми вверх краями, где прямая в этом месте дорога, казалась раздельным углублением между страницами, а проходящая рядом цепь телеграфных столбов — представлялась своеобразной пунктирной строчкой.

Для меня вид этой долины был всегда красивым и приятным. Зимой, её «страницы» были ослепительно белыми; весной, наверху, по целине — буйство разноцветных тюльпанов, а по обеим сторонам трассы — изумрудная зелень чистых посевов; летом — по тем же сторонам дороги, золотом отливали готовые к жатве поля; даже осенью, черные, аккуратно вспаханные «страницы», были по-своему красивы, они умиротворенно отдыхали, набирались влаги и переваривали пожнивные остатки, готовясь к закладке новых

урожаев, весной.

А сколько раз, возвращаясь домой в ненастную погоду, особенно во время сильнейших буранов и, как всегда, — ночью, после долгих часов буксования, откапывания из снега и подталкивания машин, мы выезжали на ту самую «чапаевскую» гору и с радостным благоговением, сквозь пургу, замечали еле заметную строчку «ащелисайских» огней по нашей балке и так тепло, хорошо всегда становилось на душе — «теперь уже доедем, не собьемся. Скоро будем дома!». А раньше и тех огней не было, да и дорог — тоже. И вездеходов нынешних. А люди — передвигались по бескрайним степям, в любую погоду, иногда по нескольку суток. А все равно — жили и любили это место. Они не считали, что с чем-то боролись, с какими-то там трудностями, как говорят сегодня, нет, — они просто жили и хотели жить.

Да и как нам (мне) было не любить его, это место! Жена и все трое моих детей, родились в Ащелисае. Двадцать два лучших года жизни, я отдал этому месту. Здесь стал Человеком и специалистом, здесь получил навыки жизни и здесь знакомился и общался со многими замечательными людьми. И очень благодарен судьбе за это. Наверное, не зря и по сей день снятся мне люди, поля, улицы и многие части нашей балки. Как уже было сказано раньше, я попал сюда — ко времени,

и к месту, — успел застать людей предыдущих поколений, первопоселенцев и их потомков, потом сам стал активным участником самых важных моментов и действий в ащелисайской жизни, а в последующие годы, регулярно посещал свою вторую родину и поддерживал различного рода связи, с родственниками, друзьями и товарищами, проживающими в Ащелисае, и вокруг него. Как следствие — жизнь Ащелисаея в общем плане за последнюю сотню лет, для меня была и есть, близка и понятна.

По жизни мне посчастливилось побывать в самых разных местах; хорошо знаю все области Украины, Белоруссии, большинство областей России, республик Средней Азии и самого же Казахстана, районов Кавказа, в Крыму, на Севере; бывал во многих странах за рубежом. Видел всякое, и красивое, и очень красивое, разное. Не буду лукавить и заявлять, что место Ащелисай, самое красивое и удобное. Нет, но оно мне родное, как и то место, где я родился. Честно говоря, моя родная Слободзея и Ащелисай, с годами, в моем сознании выровнялись, и если Слободзея была, есть и будет, моей первой малой Родиной, то теперь чувствую, что и Ащелисай для меня, стал тоже не вторым... Это дает мне право рассуждать о его жизни, с разных сторон. Что, кстати, не отнимает такого права ни у кого другого, и я буду рад

познакомиться с любыми материалами по этой теме, тем более, если они будут интересными и объективными.

Но вернемся к ащелисайской жизни. С началом освоения целинных земель, наша зона МТС, почувствовала, что такое пристальное внимание власти к этому начинанию. Наша Актюбинская область, начала эти работы немного позже других регионов, того же Алтая, Кулунды и т. п... Но уже в 1954 году, область получила 2500 новых тракторов, 1000 тракторных плугов, 680 комбайнов и много другой транспортной и сельскохозяйственной техники. Ускоренными темпами шли поставки, полевых вагончиков для тракторных бригад, стройматериалов, жилых палаток и многого другого, необходимого для проведения работ по освоению на территории области целинных земель на площади в 1,5 миллиона гектаров. В северо-восточной части области, было образовано несколько крупнейших новых зерновых совхозов.

В колхозе «Передовик», где я впоследствии буду долгие годы работать, за первые «целинные» годы, площади под пашней, увеличились в пять раз, с трех с половиной тысяч гектаров — до семнадцати с половиной тысяч. Соответственно, увеличились посевные площади, в первую очередь, под зерновыми культурами. Ащелисайская МТС

вооружилась новыми тракторами, комбайнами, транспортной техникой. В селе появилась новая автобаза с большим количеством автомобилей, волнами шло поступление кадров механизаторов, из Молдавии, Украины, различных областей России. Энерговооруженность МТС по тому времени, вполне обеспечивала своевременное проведение всех механизированных работ, с учетом многократного увеличения посевных площадей.

Здесь уместно отметить положительность влияния на все процессы жизни, в том числе и сельской, именно планового хозяйства. Государство прежнее, думало и действовало комплексно, с ориентиром на будущее. Как пример: Ащелисайская МТС, образована в 1936 году, а еще за год до этого, было построено и начало работать Училище механизации в соседнем селе Алимбетовка, где готовили механизаторов, уже заранее зная, что будет новая МТС в Ащелисае и совхоз в Алимбетовке. Какой частный предприниматель сегодня будет так думать о будущем того края, где он сегодня получает доходы!? Похожее училище было открыто в селе Херсон, понятно — для нужд другой МТС Степного тогда района, — Кос-Истекской. Там было еще отделение подготовки комбайнеров. Оба эти училища в районе, очень многое сделали в плане подготовки механизаторских кадров и многие

молодые люди Ащелисая, через них прошли и стали классными специалистами. Надо сказать — эти учебные заведения, особенно Алимбетовское, были очень достойными и в плане теоретических знаний, и практических занятий.

Казалось бы, жизнь на селе стала улучшаться по всем направлениям, особенно в плане роста производства, что является источником повышения благосостояния сельчан. Прошел «целинный» ажиотаж. Почти все подлежащие освоению земли, в районе были распаханы и засеяны. Казалось бы — вот оно начало старта к достижению новых вершин! Кстати. Нам, в то время живущим, пообещали, что к 1980 году в стране наступит коммунизм!

Пообещать — пообещали, а сделали все наоборот. И как всегда, под фанфары заботы о селе, обеспечению свободы колхозам, что-то там сказали про будущий рост благосостояния крестьян и...приняли в начале 1958 года, решение о ликвидации МТС и передаче техники колхозам. Пусть они (колхозы), мол, будут сами себе хозяева и не будут никого просить выполнять необходимые механизированные работы. Хватит, мол, сдирать с них три шкуры и т. п...

По моему мнению, это было одно из самых неразумных действий, направленных против села в целом. Абсолютное большинство колхозов,

изначально были технически обречены. Раньше МТС нес равную (государственную) ответственность перед всеми колхозами своей зоны. Теперь, передав технику в колхозы, МТС (читай государство) снял с себя всякую ответственность за все, что её (техники) касается: организация всех полевых работ, ремонт и технической обслуживание, топливное и энергетическое, а также — все материально-техническое обеспечение.

Неравенство среди колхозов, сказалось сразу, по многим причинам. И земли разные, и расстояния разные, и люди, и возможности, да и руководители, — тоже. На ходу не так просто перестроиться. Вперед сразу вырвались те, кто посильнее, поумнее, похитрее, понахальнее, а главное те, кто во все времена, открывал ногами любые двери, то есть «свои» люди. Им — и кредит раньше и фондов побольше, а бедным — как всегда: «чого дурный — бо бидный, а чого бидный-бо дурный». Вечная пословица.

Даже, если бы для всех было все одинаково, ситуацию искусственно загнали в тупик. Маленький, но очень характерный пример: В бывшем МТС, к примеру, лежала на складе какая-нибудь запасная часть, в единственном экземпляре, ну, допустим, подшипник какой-то дефицитный для комбайна. Чей был тот

подшипник? — общий, всех комбайнов в МТС. И тут, в какой-то бригаде комбайн остановился, посыпался такой подшипник. Раньше бригадир той бригады, по рации, сообщает, что у него в бригаде комбайн стоит из-за сломанного подшипника. Участковый или разъездной механик, тут же забирает со склада тот единственный подшипник, срочно везет его к комбайну, и через полчаса — час, комбайн продолжает работать.

Что стало после ликвидации МТС: В каком-то колхозе остановился комбайн, из-за поломанного подшипника. На складе того колхоза такого нет и никто не знает, в каком колхозе он имеется. Но, даже если и узнают, что где-то есть такой подшипник, так кто ж его отдаст! По принципу — «А может он у меня завтра сломается!?!». И ничего не сделаешь, даже если у всех будет, кроме нуждающегося, по такому подшипнику, и ведь не дадут. Такие «мелкие» неувязки накатывались как снежный ком на любое действие, которое раньше оперативно решалось при МТС. В результате колхозы, тратили массу времени и средств, забивали склады запасными частями и агрегатами «про запас», а потом часто их списывали за ненужностью или при смене марок техники.

На базе почти всех бывших МТС, начали появляться специализированные ремонтные

мастерские разного направления, которые производили только ремонтные услуги и отвечали за эти услуги только по договорам с заказчиками, а что растёт или не растёт на окружающих полях, новые мастерские не интересовало вовсе.

Ащелисайская МТС, к примеру, стала вначале филиалом Кос-Истекской РТС (ремонтно-технической станции), а позже (СРМ) — специализированным предприятием по ремонту автомобилей марки ГАЗ-52/53, причем, одним из трех подобных предприятий на весь огромный Казахстан. В советские времена, это предприятие было очень авторитетным и уважаемым, там работало до 170 человек, в основном высококвалифицированных ремонтных рабочих, использующих современную технику и оборудование, включая станки с числовым программным управлением. Рабочий конвейер мастерских, упрощенно — вбирал на себя ржавую автомобильную раму, а с другого своего конца, — выпускал полностью отремонтированный и покрашенный автомобиль, мало чем отличающийся от нового, выпущенного с завода. Мастерская (СРМ) как бы стала правопреемницей бывшей МТС, там, в основном, сохранились опытные ремонтные кадры, потом обучили молодых ремонтному делу, и до самого развала СССР, это было довольно приличное предприятие своей

системы, которое, наряду с мощной Ащелисайской автобазой, положительно влияло на имидж Ащелисая. Как места.

Пришло другое время и в Григорьевке (далее опять Ащелисае), ситуация здорово изменилась. Если раньше «главным» опорным пунктом села, была МТС, то с её ликвидацией, как зональной регулирующей и ответственной государственной организации, селообразующие функции принял на себя укрупненный местный колхоз «Передовик», который до этого был определенным «средняком» среди других колхозов зоны. Волею судьбы, нашему колхозу в то время здорово повезло, как оказалось позже. В 1957 году, вернулся с учебы в Уральском сельхозтехникуме, где он прошел трехгодичные курсы председателей колхоза, Каструбин Григорий Ионович. Молодой, 31 год, фронтовик-орденоносец, крепкий, энергичный и уже теоретически подготовленный. После фронта, он работал в райкоме партии инструктором и в районной газете, ответственным секретарем. Райцентр тогда находился в селе Кос-Истек, недалеко от которого, в одной из малых деревень, Каструбин Г.И. и родился. То есть он был «свой, районный», а не откуда-то присланный, «на укрепление», как говорилось раньше, — «на ловлю счастья и чинов». Еще в 1954 году, он был направлен в Ащелисай, в качестве заместителя

председателя колхоза и попутно — секретаря партийной организации (читай — комиссара). Так обычно делалось в те времена, чтобы парторг мог получать зарплату в колхозе. И сразу же поехал в Уральск на учебу.

Район оперативно произвел рокировку в системе нашей местной власти, сделав бывшего председателя колхоза, Кошарного Ф.К., председателем Ащелисайского сельского совета (Кстати, именно он лично регистрировал наш с женой, Ниной Ивановной, брак, в 1958 году), а Каструбина Г.И. -избрали председателем колхоза «Передовик». С того времени и начался тот период, длиной почти в тридцать лет, который я назвал в заглавии нашей книги как — «Сладкая жизнь соленой балки».

Каструбину Г.И. повезло на Ащелисай, но Ащелисаю, во много раз больше повезло на Каструбина Г.И... Новый председатель, объективно оценив обстановку в колхозе, селе и вокруг него, понял, что в этом месте, имеется много того, что можно использовать в плане общего развития колхоза и села тоже. Без села, без его поддержки, желания и отношения к работе, — ничего путного не получится.

Это было время перемен и в стране, и в Ащелисае. Через полгода ликвидировали МТС, начали организовывать крупное автотранспортное

предприятие. Сельскохозяйственную технику передали в колхозы. При абсолютной ненужности этого действия для страны в целом, для ащелисайского колхоза и его нового председателя, этот момент принес больше хорошего, чем плохого. Колхозу отошла далеко не худшая техника, все живущие в селе механизаторы, трактористы и комбайнеры, ранее направляемые на работу в другие хозяйства, естественно, перешли в местный колхоз. А это были в основном, лучшие из лучших, по зоне МТС. Колхоз, по инерции, продолжал использовать ремонтную базу уже филиала РТС, пока не оборудовал, свою собственную мастерскую. Понятно, что всякими правдами и неправдами, многое из того, что находилось на складах бывшей МТС, или вообще на её территории, — запасные части, узлы и агрегаты, учтенные и «неучтенные», списанные, но не ликвидированные, всевозможные сельскохозяйственные машины и их отдельные узлы, годами лежавшие в разных углах, — в большинстве своем, тоже нашли свое место в колхозе, тем более, что бывший заведующий мастерскими МТС, Гришко Д.С. — перешел на работу в наш колхоз главным инженером... То есть, с ликвидацией МТС, и в материальном плане, и в плане обеспечения трудовыми ресурсами, колхоз «Передовик» больше выгадал, чем другие бывшие хозяйства по зоне МТС. В этом нет ничего плохого,

но, то, что было, то было.

Вот здесь и пришла пора показать и доказать по, крайней мере, ближнему окружающему миру, что Феномен Ащелисая зиждется не только на всеобщем официальном внимании, а и всеобщем признании. Отличная стартовая база — 17500 гектаров пашни, еще столько же площадей пастбищ и других угодий. 4 села (Григорьевка, Преображенка, Лушниковка, Бугумбай. Бурановка, к тому времени, уже исчезла). Колхоз «Передовик» — самое крупное хозяйство на то время. Расположено на перепутье многих дорог, в том числе магистральных. По территории колхоза проходит железная дорога. Внутри той же территории, находится станция Ащелисайская (тогда еще 304-й разъезд), где расположен хлебоприемный пункт. Для колхоза, где зерно — основная продукция, — это очень важно, хоть в плане сдачи — отправки зерна государству, хоть в плане получения семян или любых других грузов. Все рядом. Пусть даже расходы по доставке зерна государству и возмещались тем же государством, но, одно дело возить зерно на расстояние в 5–7 километров, другое дело за 50 и более, когда проблемы с его доставкой, увеличиваются с увеличением расстояния, в геометрической прогрессии.

Здесь тоже уместно отметить разумную

политику советской власти, в плане работы на перспективу. Железная дорога Орск- Кандагач, была заложена в планах давно, чтобы грузовые потоки с Урала, Сибири и Дальнего востока, направить по укороченному и более прямому пути, через Орск и Кандагач — на Гурьев, то есть — в район Каспия и Кавказа, не окружным путем, через Оренбург и Саратов, а по гипотенузе этого треугольника. Ветка Кандагач-Гурьев была проложена давно, а её продолжение — Кандагач — Орск, затягивалось. Как говорится, «Не было бы счастья, так несчастье помогло»: начало войны в 1941 году и начало разработки Кемпирсайского никеле-кобальтового месторождения, в руде которого нуждалась тогда страна, — помогло ускорить строительство железной дороги до Орска, а с учетом местных транспортных нужд (той же зональной Ащелисайской МТС), в семи километрах от Ащелисая, были оборудованы, — вначале разъезд, потом станция и построен мощный механизированный элеватор, для приема зерна от хозяйств ащелисайской зоны.

Да, земли у колхоза, были не самыми лучшими в районе, но других нет и не будет. Надо работать с тем, что есть. И надо максимально использовать то, что есть. А есть уже очень немало — земля, люди, техника. А главное — есть желание жить и сделать так, чтобы наше место стало не

просто захудалой соленой балкой, а местом, где счастливо жили люди, местом, куда бы стремились попасть и так же жить, многие другие люди.

Это негласное программное заявление, стало определяющим в деятельности нового руководства колхоза, и было поддержано всеми колхозниками.

Каструбин Г.И. поставил перед всеми колхозниками — главную задачу на ближайшие годы: используя уже имеющиеся возможности — стараться, как можно более быстрыми темпами наращивать объемы производства. Начиная с зернового хозяйства и постепенно развивая другие направления, в первую очередь — животноводство.

Надо не просто работать, а работать производительно и качественно на всех этапах возделывания полевых культур. И глубина вспашки, и сохранение влаги, подготовка и правильная заделка семян, и борьба с сорняками и вредителями, и своевременная и качественная уборка урожая, хранение и переработка зерна, — все это объединенное коллективным старанием и желанием, уже в первые годы работы нового руководства колхоза, дали свои положительные результаты, в плане роста производства, зерна, в первую очередь.

Казалось бы, радоваться надо, но руководство колхоза волновали уже другие проблемы. Нарращивать производство в основном за счет